

ВОЙНА НАС ГНУЛА И КОСИЛА, ПРИШЕЛ КОНЕЦ И ЕЙ САМОЙ...

„ИЗВЕЩЕНИЕ СЧИТАТЬ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ”

ОДНО из самых трагических явлений прошедшей войны—извещения, прозванные в народе «похоронками». Как ждали в семьях солдатские треугольники и как боялись «казенного» конверта. Он почти всегда приносил плохую весть. Бились в горе, голосили матери и жены, пугались и плакали ребятишки, сбегались соседи разделить беду, а назавтра женские причитания доносились из другого дома: принесли «бумагу». Почтальоны войны признавались, что они старались засунуть стандартный конверт куда-нибудь в щель забора или оставить на крыльце—только бы не передавать страшную весть из рук в руки. И так всю войну. И после войны тоже. Но иногда случалось чудо. Дома оплакали погибшего, справили печальную тризну и вдруг письмо—«уголочек»: «Я жив. Был ранен. Скоро снова иду в бой». Про плен не писали: запрещалось. Скупно рассказывали по возвращении о случившемся. Так было с Лупоном Ананьевичем Черняевым (Билютай), Савелием Фомичом Григорьевым (Бичура), Сидором Анифоновичем Нестеровым (Петропавловка), Изотом Константиновичем Перелыгиным (Безбожник).

В разных обстоятельствах они оказались в плену. Из боя не вернулись, их не видели ни мертвыми, ни живыми. И полетели в Бурят-Монголию черные вестки, написанные рукой штабного писаря. Не знаю, уместно ли здесь выражение «не было бы счастья, да несчастье помогло», только извещение родным Михаила Андреевича Телешева (Топка), сохранившееся в недрах архива Бичурского райвоенкомата помогло ему подтвердить свое участие в войне. Десятилетие он не мог получить удостоверение участника войны. Самое прискорбное, что многие из тех, на кого полвека назад приходили извещения, и сегодня в Книге Памяти Бурятии числятся как погибшие, пропавшие без вести, тогда как они или скончались после войны, или здравствуют и сегодня. Удивлены были Степан Макарович Дульянинов, Григорий Сидорович Белых (Бичура), Дмитрий Лукич Петров (Новосретенка), Александр Алексеевич Кауров (Малый Куна-лей), увидев свое имя в ряду погибших ровесников. Я разговаривала с ними, и они подтвердили, что действительно их матери получали извещение. Ветераны поведали об обстоятельствах, при которых их посчитали погибшими.

На подступах к Одессе 5 апреля 1944 года взрывом разорвавшегося снаряда был засыпан землей 19-летний автоматчик-пулеметчик Григорий

Белых. Сколько пролежал, он, конечно, не помнит. Снаружи, на счастье, незасыпанной оказалась рука, и бойца откопали проходившие через хутор солдаты уже другого полка. Шинель в дырах, осколочные ранения, тяжелейшая контузия и в результате инвалидность в 19 лет. Пока он скитался по госпиталям, домой уже ушла бумага: «...погиб, похоронен на братском кладбище хутора Ново-Буцилово...».

Командир 1243-го полка, 375-й стрелковой дивизии известил родных старшего сержанта Петрова Дмитрия Лукича о его гибели 16 июня 1943 года в районе Курской деревеньки Плоты. А оказалось, что командир отделения роты связи Петров, находясь с товарищами в полковой разведке был обстрелян, ранен и оставлен на поле боя... Об этом он рассказывал мне сам.

Драматично сложилась судьба ефрейтора Быкова Ивана Григорьевича (Поселье). Дважды во время боев в Латвии он был ранен. После первого ранения и излечения догнал свою часть. А вот после второго... Он был ранен во время ночного боя. 1 ноября 1944 года. Его подобрала лишь через трое суток санитары другой части, поднимавшие трупы погибших. Домой матери Евдокии Сергеевны ушло извещение: «...ваш сын пропал без вести 1 ноября 1944 года», а он в это время мыкался по медсанбатам и госпиталям. Придя в себя, 28 ноября написал он домой из г. Калинина письмо «с пламенным армейским приветом», не подозревая, какое горе пережили его родные.

Историю танкиста, водителя-механика Иванова Романа Андреевича слышала от его сына и жены. Я и сама помню его (жили по соседству), знаю, что он трагически погиб (придавило лесиной), оставив пятерых детей. Увидела его фамилию в Книге Памяти, а потом в архиве Бичурского райвоенкомата наткнулась на документ, подобных которому мне не приходилось видеть. Если в двух словах—это извинение перед семьей за извещение. Приведу его полностью.

«Полевая почта 2925, июль 1944 года.

Ранее посланное извещение на Иванова Романа Андреевича о том, что он погиб, считать ошибочным. Тов. Иванов 25 июня 1944 года ранен и находится в госпитале в Ленинграде, о чем прошу известить Иванову Афимью Маркеловну, проживающую в селе Бичура.

Начальник штаба в/ч. (подпись)».

Рассказывает вдова Афимья Маркеловна. «Роман родом со Старой Бичуры, а я родилась и жила на Каменной, в лесу. Он шести месяцев остался без отца. Поженили нас в 1935 гду, когда нам было по 15 лет. Мне учиться не пришлось. Я ничего не видела кроме леса (ни одна ягодка от меня не ушла) да дегтярной печки (дед гнал деготь, я чурочки колола). Роман окончил

шесть классов, выучился на тракториста. Летом работал трактористом и учетчиком, зимой ремонтировал технику. Богу не молился, но мне не запрещал. Я Бога сроду не забыла, с тех пор как тятя меня, семилетнюю, молитвам обучил. А Роман вспоминал про войну: пока не бомбят все веселятся, хохочут. Как с неба посыпалось, все⁰ «Господи Иисусе» шепчут.

Работали мы сначала в Бичуре в колхозе, но война застала нас в Турке, куда он попал в ссылку. Вспомнишь, что пережили, волосы дыбом и слезы катятся. Робили как кони. Там лесозаготовки. Жили в бараках. 14 июня у нас родился сын Андрей, а 22 война началась. Ссылных много было. В войну все пригодились. Обьездчик военкоматовский в окошко постучал: «Собирайтесь». Попал Роман под Ленинград. Город был осажден, в блокаде. Они отбивались. В танке горел, контузию получил, раненый был. В легких осколок так с ним и остался.

Характер у него был мягкий хороший. Не пил, когда попало. Ему в войну после второго ранения отпуск домой дали. Приехал, а я в хребте. Он три дня прождал и сам туда. А я пришла без него. Он на завтра куль орехов притащил. Обменяли на картошку.

После войны работал на Сахарном заводе, в промкомбинате (на Бухтуйском кирзаводе), потом перешел в МТС, он технику любил. Любил газеты читать. К соседу, к Иванову Семену, все ходил (мы газет не выписывали), детей мечтал вырастить и дом построить. Не успел. Семья, правда, за 8 послевоенных лет на четверых прибавилась. Когда Роман погиб, старшему было 13 лет, а младшему 3 месяца. Полгода лежал с переломанным позвоночником. Врач Николай Николаевич Кузнецов все говорил: «Какой он выносливый, как терпит такие боли». От меня скрывали, что он умрет. А я и сама видела: муха на лицо села — он не сгоняет. Поняла, не жить ему. Мне наказывал: замуж не ходи, детей расти. Детям без батьки досталось. Андрюшка с 14 лет в хребет пошел, как белка с кедра на кедру прыгал. А то на тележке утиль сдавать везет. А в хребте (хлеба мало было), он картошки с ядрами наестся и дальше. Попробуй-ка орех добыть, да хлеба не съесть. В школу со второй четверти ходил, а не с 1 сентября. А как Таня на учительницу выучилась? Она говорит: мне время хорошее досталось. Стипендия 28 рублей каждый месяц. 2 р. 50 коп, за общежитие, 15 руб. на питание — складывались комнатой. Еще на кино оставалось. А на одежду где я какую десятку вышлю.

«Похоронку» на Романа его братья, видать, от меня скрывали. Потом уж я узнала, почему от него долго никаких вестей не было. Остался он на портрете, да на одной семейной карточке. С которой портрет делали, там он

был в танкистской форме. Фотограф пририсовал ему костюм и галстук, каких он сроду не носил».

Вспоминает сын Андрей Романович Иванов. «Отец был ранен дважды: под Ленинградом и Кенигсбергом. У него и медали были за эти города. Под Ленинградом по танку жажнуло так, что больше он никого из экипажа не видел. Его засыпало в воронке. Отец был без сознания. Получил тяжелейшую контузию. Потерял речь и слух. Мама получила письмо: «Если говорить не буду, домой не приеду». Вытащил его из воронки и вынес к нашим немецкий солдат. Он это много раз рассказывал. Сам не помнил ничего. Ему в госпитале сказали, что спас немец. Кто был этот немец? Антифашист? Что с ним случилось, ничего не известно. Отец из того боя в свою часть не вернулся и домой ушло извещение. А как получили «извещение с опровержением» уже и спросить некого: все старшие умерли. В 45-м году после госпиталя дали ему отпуск. Он побыл дома немного, краюшку хлеба в котомку и пешком в Улан-Удэ. Доехал до своей части—и война закончилась. Домой вернулся в сорок шестом. Погиб тридцати четырех лет».

СКОЛЬКО их было, двенадцати—четырнадцатилетних подростков, подставивших свое плечо под оборону? Тысячи? Сотни тысяч? На заводах они не доставали до станков, и им подставляли патронные ящики. В деревне сеяли и пахали, пасли скот и косили сено. Раннее сиротство, недополученное образование, надорванное здоровье —память о детстве, опаленном войной. Вспоминает **ДОЛГОР ЖАНАЕВНА ИРДЫНЕЕВА**.

«Когда началась война, мне было 14 лет. С этого времени я трудилась в родном колхозе им. Крупской. Сначала помогала маме доить коров, закрепленных за ней. Работала пастухом: пасли крупный рогатый скот. Вместе с нами трудились Дулгарма-баабай и Цыренсу-хээтэй. Затем направили меня работать самостоятельно в местность Бобхой пасти баран. Заведовал овцефермой Очиров Чимит-абгай, они жили семьей. Я приезжала домой верхом на своей лошади. Вели подсчет овец ежедневно: утром и вечером. В 16 лет меня зачислили на работу в полеводческую бригаду. С 16—17 апреля выезжали пахать на поля конные плуги. Передовиками звена были те, кто отличался качеством и количеством пахоты: Цыбикмитова Цыпилма, Дондукова Мидыгма, Гомбоева Дулгар, Султумова Чимитцу, Аюшеева Сылжидма, Дондукова Дарису. Когда мы вспахивали по гектару, нас обычно вечером к ужину приглашали на сцену полевого стана и потом угощали мясом бухэлер, варили кусками для передовиков пахоты. Ежедневно нас

информировали о событиях на фронтах. Мы знали, что своим посильным трудом тоже приближаем победу над фашизмом. Безусловно, не ради куска мяса трудились. Итак, к 1 мая сев зерновых был закончен.

Руководил нашим колхозом им. Крупской опытный, деловой, грамотный организатор колхозного производства Семенов Цырендондок Семенович. Постоянно уделял огромное внимание организации соцсоревнования, поддерживал передовиков морально и материально. Ежедневно приезжал на полевые станы, объезжал поля и покосы, видел труд своих колхозников. Позднее от нашего колхоза его выдвинули на должность председателя райисполкома Бичурского района. Контролерами качества работы на пахоте, косьбе и на хлебоуборке были ветераны колхоза – Очиров Цыбик-абгай и мама Дондуковой Мидыгмы и Дарису-Гомбо-хээтэй. Бригадиром бессленно трудились Жалсанов Базар, базаров Банзай-абгай, настоящие патриоты своего дела. Они не покидали полевые станы, утром на заре будили нас, и вечером – стемнеет, давали отбой.

Детство, опаленное войной

Очиров Буда-абгай был отличный кузнец, подковывал лошадей, ковал лемеха к плугам и т. д. Учетчицей и счетоводом всю войну проработала в колхозе Банзанова Хандасу.

Несмотря на войну, летом, перед сенокосом, нас, полеводов, отправляли на 9-дневный отдых в местный аршан Нарин-Заган вместе с поварами, чтобы те нас подкормили. И снова мы выезжали на полевые станы, начинали сенокос, косили вручную по 70—80 соток!

Осенью вручную жали хлеб, не все поля убирались комбайном. Убирали хлеб и конной жаткой. Ударно здесь трудился Султумов Бимба Данзанович, после войны был механизатором, бригадиром, комбайнером. За трудовые заслуги он награжден орденом «Знак Почета».

Мы вязали снопы. В условиях соревнования было записано: га первое место—премия баран, за второе место—на двоих баран. В 1944 г. мы с Будажаповой Дулгар заняли второе место, нам вручили барана.

Чтобы досрочно справиться с госпоставкой мяса, колхоз организовал круглогодичную пастьбу овец валухов, бычков и табун лошадей в местности Хайранга хунды. Зимой меня с Ринчиновой Дашимой отправили пасти баран в лесу. С нами жила Бальжид, мама Дашимы. За остальными животными ухаживали и пасли Дагба-ахай с женой, Чимитов Бальжинима. Они жили в землянке. С ними трудились Султумов Бимба, Цыдендамбаева Дарижап и Цыдыпов Дамба.

В день Победы 9 мая 1945 года мы пахали пары в местности Зала. Когда объявили конец войне, было непередаваемое зрелище: все кричали «Ура», «Победа». Радость и горе, слезы были на глазах. После митинга дали нам отдых на целый день».

► **Хроника. 1943 г. О чем писала газета Ленинский путь "**
САХАРНЫЙ ЗАВОД БУДЕТ ЗАПУЩЕН в этом году

Строительство и ввод в эксплуатацию сахарного завода имеет важное государственное значение. Основное строительство подходит к концу. Главный корпус по строительству выполнен на 85 процентов, корпус ТЭЦ на 75 процентов. Для завода отгружены материалы и оборудование. В помощь стройке направлены высококвалифицированные кадры специалистов по сахару. Часть их прибыла на завод. Хорошо работает бригада водопроводчиков (бригадир Шестаков). Каменщик Адонин выполняет задание на 127 процентов, монтажник Фролов – на 140 процентов. Урожай свеклы получен в колхозе «Красное знамя труда», 225 центнеров с гектара, им. Сталина (Мангиртуй) 200 центнеров, Коминтерн – 200 центнеров. Перед нами стоит задача как можно быстрее закончить строительство и дать стране, фронту как можно больше сахара. Забелло, директор завода.

В ОДНОМ СТРОЮ

«Тыл и фронт были едины». Эти слова сегодня встретишь в любом учебнике истории, в каждой книге, посвященной войне. В одном строю были колхозники и медики, учителя и почтовые работники.

Заведующий Бичурским районе Е. Т. Веретельников, выступая на страницах газеты «Ленинский путь», писал: «Мы, учителя, здесь, в тылу, обязаны самоотверженным трудом в школе, полноценными общественными делами отвечать на победы Красной Армии. У многих учителей нашего района слова не расходятся с делом». В семейном альбоме Солуяновой (Мангадаевой) Антонины Моисеевны, бывшего директора БСГЯ № 1, сохранился снимок, на котором запечатлены учителя, участвовавшие на лесозаготовках в апреле 1942 г. Это: Лебедева ' Анна Николаевна, Якимова Тамара Павловна, Фалилеева Надежда Спиридоновна, Веретельников Евгений Тимофеевич, Комарова Нина Александровна, Миневиц Феня Борисовна, Серебренникова Ия Георгиевна, Ананьев Александр Алексеевич, Ермакова Анна Григорьевна».

НАВЕРНОЕ, это была последняя фотография Наума Симоновича Ефимова с женой Марией Ивановной. Гвардии майор, зам. командира 337-го гвардейского полка погиб в Польше в Краковском воеводстве. В 1977 году его дочь Валентина Наумовна неожиданно получила письмо из Львова от однополчанина отца Григория Ивановича Дободяна: «Мы воевали в одной части. Случилось это под деревней Иваницкая. Бой был тяжелый. Ваш отец шел в первых рядах и погиб в атаке, Я сам похоронил своего друга. Перед этим достал его документы и фотографии жены и дочери. Документы были простреляны и залиты кровью».

Орден Красного Знамени нашел родных Н. С. Ефимова лишь в 1989 году.

На снимке : Н. П. Нестерова

В РАЗГАР войны, в 1942 году, Вичурский райвоенкомат мобилизовал старшекласниц, девушек-колхозниц и молодых женщин на строительство стратегической железной дороги в Иркутскую область. Вот имена лишь некоторых из них: Наталья Нестерова, Мария Григорьева, П. Федотова, Наталья Олейникова (Бичура), Фекла Павлова, Вера Григорьева (Безбожник). Единственным мужчиной был Афанасий Григорьев, который не был призван в армию по инвалидности.

Рассказывает Ефросинья Мартияновна Павлова (Новосретенка). «Нас

собрали в военкомате.

МОБИЛИЗОВАНЫ НА СТРОЙКУ

Мне 18 годов, старшей под сорок. Зачитали приказ: «Направляетесь в трудоармию на три месяца». Зачем везут, на какую стройку, не сказали. Нас на конях в Харлун, оттуда на барже до Улан-Удэ. Многие в городе ни разу не были. Через сутки вечером подходим к пристани. Огни горят. Я тоже первый раз город видела. В пути признакомились. Тут были со всего района. Ульяна (фамилию забыла, Сафонова, что ли) с Сухого Ручья, Марфа Лукинична Петрова. Прасковья Солодухина, Матрена Акимовна Утенкова. До Улан-Удэ сопровождал нас Роман Дмитриевич Митропольский.

Наутро в баню и поездом до Иркутска. Ехали быстро. В Иркутске провели через врачебную комиссию. Кажется, никого не забраковали, все сгодились. Парней, мужчин отделили и пешком на Синюшину гору около Иркутска. Сопровождающие поглядывают на нас. Мы кто в семейском сарафане, кто в холщевой, из мешковины. юбке. Теплой одежды, обуви с собой не было: ехали на летние месяцы. Да и, честно, одежи-то у нас не было. Осенью дали ботинки на деревянной подметке. Ичиги, если и были, еще берегли. Не босиком же по снегу домой возвращаться.

Разместили в бараке. У него три крыла. В одном мужчины, в остальных мы. Спали на сплошных деревянных топчанах. Инструмент: кирка, лопата, лом. "Нам объяснили: будем строить новую обводную железную дорогу. Когда в Иркутск ехали, 18 маленьких тоннелей прошли. Сейчас их два. Вот эту дорогу мы и строили. Из техники был экскаватор. Он нагрузит гравий на платформу, мы вручную сгружаем. Отсыпали полотно.

Часов не было. Вставали по свету. Позавтракаем и до вечера. Уставали, недоедали, а что поделаешь? У меня брат Даниил Мартинович под Сталинградом был. Ему еще труднее было. Свою еду съели, а столовая— почему-то одна рыба жареная. Кусочек хлеба не каждый день, ну и чай. Супа не было. Были с нами старики, которые на фронт не годились. Их отправили домой раньше нас.

Мы после работы помоемся на речке (бараки стояли на берегу, все время сыростью несло), упадем до утра и опять подъем.

Пригнали туда и пленных немцев, говорили, тысячи четыре. Жили подальше от нас. Мимо ходим: они грязные, оборванные, Их гоняли на другую сторону— они тоже строили дорогу. Обрато отпустили нас только осенью, в октябре. Намерзлись мы. Потом, правда, тужурки дали и те

.ботинки. Документов у нас не было, добирались, кто как мог» Где мыло на буханку хлеба обменяем, где как. Учеников и специалистов отпустили раньше, к сентябрю. А мы работали не покладая рук Одна мечта была: скорей бы эта война кончилась, а уж мы потерпим».

Память позвала в дорогу

ПО ВСЕЙ ЕВРОПЕ, а также в Монголии и Китае разбросаны солдатские холмики и братские могилы, где нашли свое последнее пристанище солдаты Вешкой Отечественной. Едут туда родные и близкие, чтобы поклониться праху дорогого человека. Елизавета Ефимовна Серявина [Бичура) всю жизнь оплакивающая погибших братьев, побывала и Харьковской области на месте кровопролитных боев, где погиб ее старший брат Никандр Ефимович. «Долина смерти»—так называется это место. Побывали родные на могиле второго брата, Льва Ефимовича. Он был сражен в Калужской области. Воин-сибиряк внесен в Книгу Памяти села Маклаки под номером 743.

Иван Илларионович Коновалов (Верхний Мангиртуй) съездил на Украину, в село Ляхово под Житомиром, где покоится тело старшего брата, пулеметчика Петра Коновалова. Иван Фирсович Истомин (Елань) возил сыновей в деревню Красниково Орловской области. Там на обелиске под N» 18.J значится имя отца Фирса Лукича.

Дважды была в Тульской области Полина Ильинична Максимова (Ара-Киреть), чтоб разыскать могилу брата, двадцатилетнего лейтенанта Александра Ильича Лизунова. Долго стояла у чугунной ограды братской могилы № 23, где вместе с солдатом из Забайкалья покоится еще 433 воина. Всю жизнь сестра, помнила название села. Городище, где навсегда остался ее брат. К тому же сохранилось «извещение». Но многие просто не знали, где погибли их родные. Это сейчас мы можем найти данные о них по Книге Памяти.

В 60-е—70-е годы на помощь родным погибших пришли школьники-следопыты, руководимые энтузиастами-учителями. Именно они после долгой переписки разыскали, например, места гибели многих еланцев. Бессменно более трех десятилетий руководит этой работой Иван Фирсович Истомин. Ушли десятки запросов по адресам «похоронок» на Украину, в Прибалтику, Польшу, Венгрию, Румынию. Ребята спрашивали, есть ли имена их земляков на братских могилах.

И вот уже одна за другой три семьи из Елани едут поклониться праху отца, брата, положить а могильный холм горсть земли от порога родного

дома. Пусть с опозданием на тридцать, сорок лет, но отдать последний долг. В 1989 году три брата Новокрещенных—Степан, Василий и Иван побывали на могиле брата Михаила Михайловича, погибшего в сорок четвертом году в селе Охлопув Волынской области.

Долго ждала родных могила Коротова Михаила Степановича в г. Хойники Гомельской области. ; 15-летие освобождения Полесья и гибели брата отметили сестра погибшего героя Наталья Степановна и ее муж М. А. Стрекаловский вместе с белорусскими ветеранами.

Лидия Ивановна Андропова Бичура) рассказывала, как они ; мужем-фронтовиком Анатолием Семеновичем разыскивали могилу ее брата Абрама Ивановича Тюрюханова. Искали в Волгограде, где он был ранен (это она помнила из фронтовых писем и предлагала, что здесь он и погиб. Однако последний свой приют солдат из Бичуры нашел в Кировоградской области.

«Мой старший брат Абрам Иванович ушел на войну в тридцатилетнем возрасте, оставив жену и дочь. Учиться ему пришлось мало: нас в семье было 10 детей. До учебы ли? Отец вернулся j первой мировой инвалидом: пуля прошла ему оба глаза. Рассказывал: сутки не могли поднять его с окопа, хотел умереть. Вернулся и—живуч человек!— нашел себе дело: прят пеньковые веревки. Отбоя от заказчиков не было. И никогда, бывало, не перепутает, какому бригадиру какую веревку отдать. Он, незрячий, приспособился даже сеять вручную. Брат Абрам Иванович был человек сильный, здоровый. Молодого коня —лончака—шутки ради мог поднять. В Гремячинске, где он работал на рыбозаводе, долго помнили, как он центнеровые бочки играючи разметывал. На фронте был пулеметчиком. Под Сталинградом дважды ранен. Получили письмо из госпиталя, написанное медсестрой под его диктовку: «Ранен в руку и ногу». Второе письмо написал сам: «Раны мои сживают¹. Скоро иду на фронт».

А следом пришло извещение: Похоронен в Знаменке...». Мы думали, что это волгоградская Знаменка.

Шел 1961 год. Продали корову, собрались с мужем и поехали. Три дня ходили на Мамаев курган, искали в списках его фамилию на мемориале. Тихая музыка, люди идут и идут. Столько знакомых «бичурских» фамилий па стене—нашей нет. Нам подсказали: есть еще Знаменка, узловая станция в Кировоградской области.

Прямо со станции через роскошный парк пришли в военкомат. Сидит военный. Объяснили ему все. Он открыл толстую канцелярскую книгу, будто ждал нас. «Вы счастливые,—сказал. -Здесь могила вашего брата. Сколько тут безымянных братских могил, а по лесам—непохороненных

бойцов». В глубине арка, по которому мы шли, и было воинское захоронение. Широкие ворота, ажурные решетки. Вначале идут могилы высоких военачальников, а затем солдатское кладбище.

День холодный—октябрь. Ветер, промозглость. Смотрим, ребяташки, не старше третьеклассников, собирают ручонками листочки, которые ветер срывает с дубов. Анютины глазки цветут. Кривая разноцветная дорожка, разошлись мы—я налево, муж направо, пошли по рядам. Читаем та мраморных плитах имена. Первый ряд, второй... Вижу: впереди израненный старый дуб. Крона его не одну могилку закрывает. Подошла и остановилась. Золотые буквы на плите. Фамилия, имя, отчество. Только год рождения не точный—1914, а он был с 1912 года. Я плачу. Положили венок. Дети подошли, помолчали, потом рассказали, что круглый год ухаживают за могилами. Рассказывали нам, что Знаменка 9 раз переходила из рук в руки. Камня на камне не осталось. Немцы разбомбили госпиталь. Погибли раненые бойцы и медперсонал. Так мы узнали, почему прервалась связь с братом. Не съезди я тогда, до сих пор бы гадали, что случилось. Ведь писал—раны заживают».

ФРОНТОВИКИ, НАДЕНЬТЕ ОРДЕНА!

Участники войны из Шибертуя